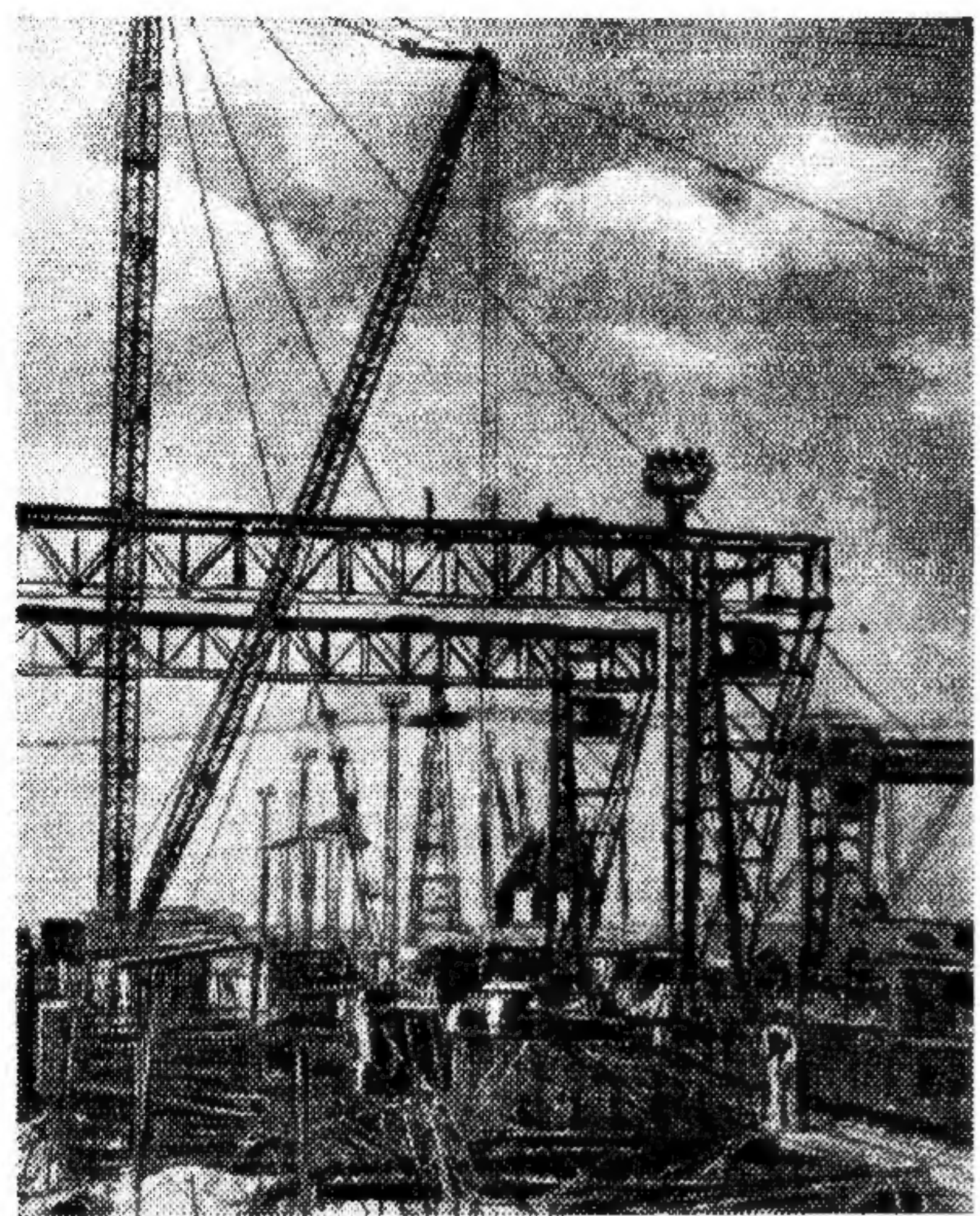

НА КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЕ

Завтра исполняется три года со дня опубликования постановления Совета Министров Союза ССР о строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на Волге.

Землеройные работы на правом берегу реки — в котловане под здание гидроэлектростанции —ступили в завершающую фазу. Одиной край котлована проходит по крутому берегу, другой — более чем на триста метров вдаётся в русло реки. Русловая часть отгорожена от Волги гигантской полуподковой перемычкой, созданной из грунта, камня и стального шпунта. Эскаваторы черпают вязкий глинистый грунт с бывшего дна реки.

Продолжается осушение котлована. Непрерывно действуют насосы глубинного водоотлива, сбрасывая по трубам в Волгу сотни тысяч кубометров грунтовых вод. Множество самосвалов снуют по лабиринту дорог. Около шести миллионов кубометров земли вывезли они из котлована. Некоторые эскаваторы работают уже на глубине 25 метров ниже дна Волги. На днях строители начали укладывать бетон в основание гидроэлектростанции.

В ознаменование третьей годовщины строительства эскаваторщики и водители самосвалов решили увеличить суточную выемку грунта из котлована с 20—25 тысяч до 30 тысяч кубометров. До наступления первых осенних заморозков строителям предстоит закончить все землеройные работы и до конца года уложить в основание сооружения гидроузла сотни тысяч кубометров бетона.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» главный инженер строительства Куйбышевской ГЭС Н. Разин рассказал: — Начинается новый этап строительных работ — массовая укладка бетона. Строители левобережного района, закончив бетонирование днища левого судоподного шлюза, уже возводят его стены. Строители сооружений правого берега должны в ближайшее время в несколько раз повысить темпы укладки бетона в основание гидроэлектростанции.

Для укладки огромных масс бетона необходимо ввести в действие полтора десятка мощных бетонных, камне-щебеночных и арматурно-сварочных заводов, завершить монтаж канатной дороги, бетоновозных эстакад, всевозможных кранов и построить подземные железнодорожные пути. Уже действуют три автоматических завода производительностью по шесть тысяч кубометров бетона в сутки. Монтируются еще шесть бетонных заводов; они будут введены в эксплуатацию к концу года. С пуском этих заводов потребность в бетоне будет полностью удовлетворена.

Для приготовления бетона требуется большое количество щебня. Один из камне-щебеночных заводов на правом берегу уже построен и работает. Он оснащен передовым оборудованием и полностью автоматизирован. Производительность завода — 600 тысяч кубометров щебня в год. На левом берегу Волги монтируются еще два таких завода. Одновременно расширяются уже действующие и монтируются новые арматурно-сварочные заводы.

На эксплуатации и монтаже бетонных, камне-щебеночных и арматурно-сварочных заводов заняты многочисленные отряды опытных инженеров, техников и рабочих, которые прошли большую производственную школу на строительстве Волго-Донского судоподного канала имени В. И. Ленина и Цимлянского гидроузла.

Быстро смонтированы и введены в действие весь сложный комплекс предприятий — неотложная задача строителей. Не менее важно связать этот комплекс водно. Пока что бетон подвозится к месту укладки в самосвалах. Необходимо ускорить пуск бетоновозных эстакад, подземных железнодорожных путей, кабель-кранов, бетоновозов.

Страна снабжает строительство Куйбышевской ГЭС машинами и механизмами. Что ни день, то все новые и новые башни подъемных кранов, мачты канатной дороги, каркасы бетонных заводов, эстакад поднимаются над строительными площадками на обоих берегах великой русской реки. Все новые и новые десятки вагонов и барж с могучей техникой прибывают на железнодорожные станции и в речные порты Куйбышевгидрострой.

На снимке: Куйбышевгидрострой. Территория арматурно-сварочного завода в Жигулевске. Здесь день и ночь сверкают огни электросварки; готовятся первые фермы, блоки металлоконструкций для здания гидроэлектростанции.

Фото Н. Фикинова

Две тысячи лечебных учреждений

В этом году в нашей стране строится две тысячи новых больниц, поликлиник, родильных домов, детских садов, яслей, санаториев. Как идет строительство этих лечебных учреждений, чем они будут отличаться от существующих? На этот вопрос корреспонденту «Литературной газеты» ответил начальник Главного управления строительства Министерства здравоохранения СССР Г. Назаренко.

— На окраине Москвы, в красивой лесопарковой зоне близ шоссе Энтузиастов, строится больница на четыреста мест. От существующих больниц она будет отличаться своей многоэтажностью. Главный корпус — десять этажей, боковые — по девять. Авторы проекта архитекторы Н. Прохоренко, М. Идельсон и А. Криптя удачно разместили лечебные кабинеты, операционные, палаты, каждая из которых рассчитана на одну или две койки. Кухня больницы будет находиться на десятом этаже, что предотвратит проникновение в палаты кухонных запахов. Лифты обеспечат быстрое размещение больных по этажам.

Строит больницу Министерство нефтяной промышленности СССР. Уже закончена кладка первого этажа; к концу будущего года больница должна быть введена в эксплуатацию.

В Кузбассе, в городе Сталине, возводится здание больницы металлургического комбината на полторы тысячи мест. Это будет крупный больничный городок. Для него отведен участок в будущем центре Сталинка.

Больница получит новейшую аппаратуру и оборудование. Подсобные помещения — центральная кухня, прачечная, гараж, жилой дом для медицинского персонала расположатся в зоне больничного городка.

В будущем году закончится строительство больницы на 650 мест в Сталине. Больница на 500 мест строится в Йошкар-Оле, на 400 мест — в Благовещенске, Улан-Уде, Костроме, Красноярске, Омске, Свердловске, Смоленске. В этом году будет восстановлена разрушенная фашистскими оккупантами клиника больницы на 400 мест при Минском медицинском институте.

Лечебные учреждения строятся и в сельских районах страны — на Алтае, в Башкирии, Архангельской, Вологодской и других областях. Все они будут иметь хорошо оборудованные лечебные кабинеты, светлые, просторные палаты, водопровод, канализацию, центральное отопление.

Во многих городах расширяется сеть родильных домов, детских больниц, яслей. В Усть-Каменогорске строится родильный дом на 60 мест. В Иваново новый родильный дом будет готов в этом году. Детские больницы возводятся в Минске, Молодечно, Улан-Уде и других городах. Детская больница на 75 мест вскоре вступит в строй в Ашхабаде.

Большое внимание уделяется строительству санаториев и домов отдыха. Новыми здравницами обогатятся в ближайшие годы Грузия, Азербайджан, Армения.

Следует отметить, сказал Г. Назаренко, что некоторые союзные министерства, например, машиностроения, химической промышленности, морского и речного флота, легкой и пищевой промышленности, строят подведомственные им лечебные учреждения крайне медленно.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 99 (3128)

Четверг, 20 августа 1953 г.

Цена 40 коп.

ПЧЕЛЫ И УРОЖАЙ

В. ПОНЕДЕЛЬНИК,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

1. Пчела не только дает мед и воск. Неценимо ее значение в сельском хозяйстве как «делателя» урожая. Если нет насекомых-опылителей, то подсолнечник, гречиха, вишня, яблоня, груша, арбуз, дыня, огурец, тыква и многие другие растения опыляются пустоцветом. Пчела — главный опылитель этих растений.

Собирая на один рубль меда и воска, пчелы одновременно «делают» на полях, огородах и в садах на десять-пятнадцать рублей урожая...

Несколько лет используют пчел для опыления сельскохозяйственных растений в колхозе имени Калинина Тамбовской области. В прошлом году здесь с каждого гектара подсолнечника получили дополнительный урожай по 3,5 центнера. По 3 центнера с гектара дала прибавки гречиха в колхозе «Авангард» Удмуртской АССР.

Пчеловодство справедливо считается одной из доходных отраслей сельского хозяйства. Во многих колхозах и совхозах страны из года в год получают от каждой пчелосемьи до 100 килограммов меда и свыше одного килограмма воска. Пасеку в 60—70 ульев обычно обслуживает один человек...

И несколько раз бывал в колхозе имени Сталина Сальского района, Ростовской области. Знатный пчеловод А. Япидкий в 1952 году получил от каждой из 70 пчелосемей по 101,5 килограмма меда и по 1,6 килограмма воска. Это самый высокий медовый сбор в Ростовской области!

В управлении пчеловодства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР рассказывают о крупных успехах других колхозных пчеловодов республики. В колхозе имени Андреева Алтайского края пчеловод Д. Качев в прошлом году получил от каждой пчелосемьи по 107 килограммов меда. В колхозе имени М. Горького Башкирской АССР от каждой из 80 пчелосемей взяток меда составил по 90 килограммов. Высокими медосборами на Ставрополье славится колхоз имени Ворошилова Певнино-Мокшского района. В минувшем году доход от пчеловодства составил здесь почти полмиллиона рублей.

Наша страна занимает первое место в мире по сборам меда и воска, по применению пчел для опыления сельскохозяйственных растений. Есть края и области, где каждый колхоз имеет пасеку. В Приморском крае, например, нет ни одного колхоза без пчел. В Кемеровской области пасека имеет 98 процентов колхозов, в Татарии — 96, в Краснодарском крае — 93 процента.

И все же следует признать, что пчеловодство, хотя в этом деле и достигнуты заметные успехи, продолжает оставаться одной из отстающих отраслей сельского хозяйства. В Ярославской области, например, больше половины колхозов вообще не занимается пчеловодством; к тому же почти все эдакие пасеки — карликовые, в 10—20 ульев. Не лучше с пчеловодством и в Новгородской, Ленинградской, Псковской, Калининской областях. Очень мало пасек в колхозах и совхозах Литвы, Эстонии и Латвии. Даже в Молдавии, в республиках Средней Азии и Закавказья, где и корм для пчел имеется в изобилии и климат благоприятен, пчеловодство не получило широкого развития.

Но и в тех республиках и областях, где, казалось бы, достаточно пасек, товарность пчеловодства все еще крайне низка. В передовых колхозах собирают за сезон по сто и больше килограммов меда от каждой пчелосемьи, в то же время во многих местах взятки меда исчисляются десятками-сотнями килограммами. Далеко недостаточно используются пчелы и для опыления сельскохозяйственных растений.

Откуда эта пестрота? В чем причины отставания пчеловодства и его низкой товарности?

2. В Ростовской областной конторе пчеловодства рассказывают, что во многих колхозах Табукинского, Багатовского, Метевского, Романовского, Овдовского и других районов только за год сменялось по три-пять заведующих пасеками. Нередки случаи, когда пчел доверяют людям, которые не справляются с какой-либо другой работой в колхозе.

— Частая смена людей работников пасек, — говорит главный агроном управления пчеловодства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР тов. А. Нуждин, — одна из серьезных причин крупных недостатков в развитии этой отрасли хозяйства.

Государство ежегодно тратит большие средства на обучение пчеловодов. В РСФСР, например, при четырех техникумах имеются отделения пчеловодства. Работает 46 одноклассных школ заведующих пасеками. Только в прошлом году по республике было подготовлено на курсах около 17 тысяч работников пасек. Где же эти люди? Чем они занимаются? На эти вопросы вам не ответят ни в областных конторах пчеловодства, ни в управлении пчеловодства министерства. В сельскохозяйственных органах никто не проверяет, как используются обученные кадры пчеловодов. После того, как они оканчивают техникумы, школы или курсы, их никто не собирает, не заботится о дальнейшем повышении их квалификации.

Первым советником и учителем рядового пасечника должен быть специалист-пчеловод со средним или высшим образованием. Но с этими кадрами происходит нечто странное. Пчеловодство в стране развивается и будет расти из года в год, а вот агрономы-пчеловоды становятся все меньше и меньше.

До прошлого года существовало правило, по которому на одну тысячу пчелосемей в районе (колхозных, совхозных и индивидуальных) полагался один агроном-пчеловод. В 1952 году в это правило была внесена «поправка». Теперь агроном-пчеловод полагается лишь тем районам, где в одних лишь колхозах имеется тысяча пчелосемей. Вот несколько примеров того, к чему это приводит. В белорусском районном агрономо-пчеловодстве, сейчас не осталось ни одного. Нет их теперь в Эстонии, Литве, Туркмени и Таджикистане. По РСФСР количество таких специалистов уменьшилось на 61 процент. А в Узбекской ССР даже в Министерстве сельского хозяйства и заготовок не найти сегодня агронома-пчеловода.

Пчеловодство во многих районах, областях и республиках попросту некому заниматься. Сильно и рядом это вынуждено делать в порядке дополнительной нагрузки агрономы-овощеводы, землеустроители, виноградары, гидромелиораторы.

Говорят, что из-за пчеловодства занимались ветеринарно-зоотехнические работники. Оно и понятно: кормление, содержание и уход, борьба с болезнями пчел ближе и понятнее зоотехникам и ветеринарам. Но Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР почему-то возложило эту обязанность на агрономов-растениеводов. Правда, в приказах министерства не раз отмечалось, что ветеринарная служба должна бороться с болезнями пчел. К сожалению, приказы эти почти больше на формальную отписку. Ведь даже в действующем «Уставе ветеринарной службы СССР» о пчеловодстве ничего не говорится.

В колхозах Дона и Кубани мне приходилось слышать жалобы пчеловодов на то, что многие специалисты МТС, районных и областных управлений сельского хозяйства и заготовок не заглядывают на пасеки. Редко бывают на пасеках и ветеринарно-зоотехнические работники. Почему? Потому, отвечают жалующиеся, что они плохо знают пчеловодство. Ведь в агрономических и зоо-ветеринарных институтах из-за перегрузки программ прекратили чтение курса пчеловодства. В свое время при трех институтах были специальные кафедры пчеловодства. Потом бывшее Министерство высшего образования их потихоньку ликвидировало, а Министерство сельского хозяйства этого даже не заметило. Лишь в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева сохранилась такая кафедра, но и здесь курс пчеловодства читается факультативно.

3. Пчеловоды справедливо жалуются на плохое материально-техническое снабжение пасек. Попробуйте, скажем, в Узбекской ССР приобрести для пасек какой-либо инвентарь, воину или улья. Времени потрадите много, а цели не достигнете. Дело в том, что в республике нет организации или людей, которые занимались бы этим важным делом. Это типично не только для Узбекистана. Ни в одной из союзных республик, кроме РСФСР и Украины, нет контор или межрайонных отделений пчеловодства, на которые возложены функции материально-технического снабжения пасек.

Инвентарь для пасек производит только два завода — Таганрогский в РСФСР и Дергачевский на Украине. В Таганроге выпускают медогонки двух типов, солнечные воскотопки, пасечные ножи и стамески, дышари, воскопрессы, маточные клеточки, ситочки для процеживания меда, рамочные дыроколы, вошники. Чрезвычайно нужный инвентарь изготавливает и Дергачевский завод. Но названные заводы не дают нашему пчеловодству всего того, что могут и должны давать. Дергачевский завод, например, только четверть продукции выпускает для пасек, а остальные 75 процентов (различный инвентарь) — для МТС.

Заводом в Таганроге руководит Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР, и руководит, скажем прямо, поверхностно, некачественно. Товарищи из министерства удовлетворены тем, что предприятие выполняет установленный план. Их не волнует, что ассортимент изделий, выпускаемых Таганрогским заводом, крайне ограничен, далеко не удовлетворяет потребностей пчеловодов. В министерстве мямлятся и с тем, что качество продукции этого завода вызывает много нареканий. Пчеловоды не без оснований говорят, что Таганрогский завод выпускает такую продукцию, которая производится кустарями еще в прошлом веке. Да и сам завод скорее похож на полукустарные мастерские с примитивным оборудованием и весьма ограниченной производственной площадью, нежели на современное предприятие.

А Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР, куда из всех союзных республик поступают жалобы на нехватку пчеловодного инвентаря, считая завод в Таганроге «не своим», не вмешивается в его деятельность.

Плохо снабжаются пчеловоды не только инвентарем. Не хватает ульев, особенно двухкорпусных. Приведем одну из многочисленных жалоб — пасечника колхоза имени Молотова Ростовской области Н. Солонина:

— В прошлом году мы недобрали около трех тонн меда. Недобрали из-за нехватки ульев, рамок и посуды для хранения меда. Купить этого ничего нельзя, а в колхозе нет материала, чтобы самим сделать...

Главными поставщиками ульев были предприятия Министерства лесной и бумажной промышленности СССР. И поставщиками пасек. По плану 1952 года они должны были дать пчеловодам 95 тысяч ульев, а дали только 48 тысяч. Не был выполнен и план пяти месяцев нынешнего года, после чего предприятия названного министерства стали производить лишь черновую заготовку ульев.

Значительное количество ульев должна изготавливать местная промышленность, но она с этим не справляется. Да и стоимость ее продукции очень высока.

Серьезного улучшения требует материально-техническое снабжение как колхозного, так и индивидуального пчеловодства. Индивидуальным пасечникам еще труднее, чем колхозникам, купить улья, рамки, вошники и инвентарь.

Пчеловоды давно сетуют на неразбериху в организации и оплате труда работников пасек. Что ни союзная республика или область, говорят они, то свои порядки в этом деле. И порядки часто неправильные. Во всех отраслях колхозного производства оплата труда поставлена в прямую зависимость не только от выполнения норм выработки, но и от урожая, от увеличения поголовья скота и роста его продуктивности. Переводники всех отраслей сельского хозяйства поощряются за высокие показатели в работе. И только в пчеловодстве ничего этого нет.

В РСФСР действует «Инструкция по организации и оплате труда на колхозных пасеках», утвержденная еще в 1939 году. Инструкция эта составлена так, что работники пасек не чувствуют материальной заинтересованности в увеличении пчелосемей, в высоком сборе меда и воска. Труд пасечника, согласно инструкции, оплачивается следующим образом: свыше 60 процентов запланированного расхода трудодней приходится на работы по уходу за пчелами и меньше одной трети — на прирост пчелосемей и высокую товарность.

Инструкция содержит и другие грубые ошибки. Она, например, предусматривает более повышенные расценки за работу на мелких пасеках... По всем отраслям общественного хозяйства председатели колхозов получают материальное поощрение за перевыполнение планов, и только за пчеловодство он не получает ничего. И так не только в РСФСР. Во многих других союзных республиках за образцы звали эту, во многом устаревшую инструкцию.

Знают ли обо всем этом в Министерстве сельского хозяйства и заготовок СССР? Оказывается, знают. Управлению пчеловодства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР было поручено разработать новую «Инструкцию об организации и оплате труда на колхозных пасеках». Три года велась эта работа. Проект инструкции был обсужден с работниками 300 колхозных пасек. От 180 колхозов из разных районов страны были получены замечания и дополнения к ней. И что же? Пока все осталось по-старому. Новая инструкция пчеловоды не получили.

4. Работники колхозных пасек, специалисты и руководители пасек, работники пчеловодства нередко вспоминают Всероссийское совещание пчеловодов в 1946 году. Руководители тогдашнего Министерства сельского хозяйства СССР говорили на совещании о необходимости всемерно развивать пчеловодство. Но никаких серьезных шагов после этого совещания не произошло.

Мы спрашивали у многих пчеловодов, какую конкретную помощь получают они от Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР. И получали краткий ответ: — Никакой!

Работники отдела пчеловодства заявляют преимущественно только сбором разного рода сведений и отчетов. Все вопросы по пчеловодству решаются без них. За последние три года коллегия министерства ни разу не слушала этот отдел по вопросам, связанным с развитием пчеловодства в стране.

Местные работники жалуются на то, что Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР редко совмещает их, не советуется с ними, плохо пропагандирует опыт передовиков. Главное управление сельскохозяйственной пропаганды и отдел пчеловодства министерства не寄ают пасечников, учебных пособий, брошюр для пчеловодов.

Не уделяется внимания переподготовке и повышению квалификации руководящих работников пчеловодства. В минувшем году должны были состояться курсы-семинары для этих работников. Между союзным министерством и министерством Российской Федерации несколько месяцев шла переписка, где проводить этот семинар — в Москве или в каком-либо другом городе. Пока шла переписка, закончился год.

У нас имеются все возможности для того, чтобы в ближайшие годы создать пасеку в каждом колхозе и совхозе. Как показывают многочисленные факты, эта задача выполняется пока неудовлетворительно. И объясняется это прежде всего неохотой пчеловодства в самом министерстве и его местных органах.

Вряд ли найдутся такие руководители сельскохозяйственных органов, колхозов и совхозов, которые не признавали бы значения пчеловодства как доходной и необходимой отрасли хозяйства. Но ведь этого мало. Нужны и условия, чтобы каждый колхоз и совхоз имел хорошую пасеку. В этом заинтересован весь народ.

РОСТОВ-НА-ДОНУ — МОСКВА

Международные отклики

ЧТО ДУМАЮТ В ГЕРМАНИИ
О СОВЕТСКОЙ НОТЕ

Начиная с понедельника, вся Германия обсуждает советскую ноту. В Германской Демократической Республике, в демократическом секторе Берлина, в Западной Берлине и Западной Германии — повсюду можно наблюдать одну и ту же картину: население осаждает газетные киоски, желая как можно быстрее ознакомиться с развитием событий. Газеты раскупаются нарасхват. В Западной Германии, как сообщает одна фирма, занимающаяся распространением периодических изданий, резкий скачок продаж газет после опубликования советской ноты увеличился на 20 процентов. Содержание советской ноты опубликовано в западногерманских газетах различных направлений.

На промышленных предприятиях Германской Демократической Республики, в цехах, в помещениях квартальных и домовых комитетов в эти дни проходят многолюдные собрания. Трудящиеся оживленно комментируют предложения правительства СССР по германскому вопросу.

Но мнению всех честных немцев, советская нота — замечательная инициатива в разрешении проблемы мирного объединения Германии. Она еще раз доказывает искреннее стремление Советского Союза разрешить этот вопрос. С кем ни заговоришь в эти дни, неизменно слышишь от каждого, что советская нота указывает реальные пути для достижения мирного урегулирования германской проблемы.

Сейчас на самых крупных предприятиях Германской Демократической Республики гостит советская рабочая делегация. Во время встреч с немецкими рабочими часто высказываются оживленные разговоры. Такой товарищеский обмен мнениями состоялся вчера на заводе фрезерных станков имени Фрица Геккерта в Карл Маркс-штате, куда приехали делегировавшие рабочие. Хозяева окружили многочисленной массой своих гостей — советских товарищей. Почти у каждого в руках была газета с текстом советской ноты. Весь коллектив завода горячо одобрил мирную инициативу Советского Союза.

Бывший канцлер Германии Йозеф Вирт, председатель «Союза немцев», озабочен по поводу ноты: «Она дает каждому сознательному немцу чувство твердой уверенности и заставляет задаться вопросами: почему теперь такая ясная позиция?»

Аналогичное мнение высказал и Председатель общегерманской народной партии, бывший министр внутренних дел бывшего правительства Густав Хейнemann. Он выразил свое убеждение в том, что предложение Советского Союза «сперва великих держав и общегерманское совещание являются естественным путем, который ведет к мирному решению германской проблемы». Хейнemann считает, что ни в коем случае нельзя позволить запустеть себя трудностям. «Самые длительные переговоры лучше самой короткой атомной войны. Третья мировая война привела бы нас лишь к «воссоединению» в массовой смерти».

Огромный интерес, с которым немецкий народ встретил советскую ноту, еще более увеличил, судя по всему, замечательное бонновское заявление. Об этом свидетельствуют противоречивые высказывания представителей правительства Аденауэра. (Они из них называют ноту «сенсацией», другие в это время пытаются уверить, что нота «не содержит ничего нового».)

Господин Аденауэр убежден, что с каждым днем, насколько ненавистна всем честным немцам его раскольническая политика, и тем не менее он, превратившись в пословатившего, конечно, с американским верховным комиссаром Конантом, осмелился заявить, что советская нота «испримедела».

Неудивительно, что даже в кругах христианских демократов наблюдается весьма резкое расхождение мнений. Например, официальный орган западноберлинских христианских демократов газета «Дер тэг», в противоположность Аденауэру, заявляет: «Конечно, нельзя отмахнуться от этой ноты путем испроуманных заявлений». Газета считает, что надо создать ясность в вопросе о будущем Германии и что это может сделать конференция великих держав.

Эрст Леммер, председатель фракции христианских демократов в западноберлинском магистрате, был озабоченностью своего паффа в Бонне, когда он сказал: «Несомненно, сейчас приближается тот момент, когда на путях дипломатии должна быть сделана серьезная попытка выяснять вопрос объединения Германии».

Один из главнейших фашистской немецкой партии Мерцак заявил, что советские предложения, если они будут осуществлены, могут... «разрушить систему Атлантического пакта и Европейского оборонительного сообщества...». Но в то-то и дело, что немецкий народ отвергает эту агрессивную «систему», а заодно с ней и ревизионизм.

Руководство социал-демократической партии Западной Германии выжидало 48 часов прежде, чем выступить со своим заявлением по поводу советской ноты. Наконец председатель правления этой партии Эрх Отенхауэр высказался в том духе, что наибольшего внимания заслуживает тот факт, что нота посвящена только германской проблеме. Он заявил, что нужно наконец перейти от обмена нотами к созыву конференции четырех держав. Отенхауэр подчеркнул, что, по его мнению, Советский Союз придает серьезное значение по меньшей мере определению общих принципов воссоединения Германии.

Советское правительство, как известно, в своей ноте западным державам выражает уверенность, что мирная конференция может быть созвана на протяжении ближайших 6 месяцев. А это значит, что ближайшее полугодие, по единодушному мнению всех честных немецких патриотов из Западной и Восточной Германии, будет иметь решающее значение не только для Германии, но и для Европы, для дела сохранения мира во всем мире.

Решается вопрос о судьбах Германии. Поэтому миллионы немцев приветствуют в эти дни программу мирного воссоединения Германии, развешенную в ноте Советского правительства: «Никто не может отрицать, что возрождение Германии, как великой державы, достойной занять соответствующее место среди других держав, возможно только на пути мирного и демократического развития германского государства, на пути дружественного сотрудничества с другими государствами, стремящимися к укреплению мира и международной безопасности».

Что сейчас должны делать немцы? Президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик в своем обращении по радио к немецкому народу ответил на этот вопрос просто и ясно: «Нашем с ближайшего и самого простого — с общегерманского соглашения».

Теодор ВАЛЬДЕН

БЕРЛИН, 19 августа. (По телефону)

У озера Иссек-Куль

Тихое утро. Дремлет озеро Иссек-Куль. Не шелохнутся листья в саду. Над горами горько раздается заря, в цветнике, на красных розах бусинками вспыхивают капли росы. Посвистывает иволга, в тополях щебечут воробьи. Валерик Вавилов полонит к губам пионерский горн. Над лагерем разносятся звуки трубы. Подъем.

Загорелые мальчишки выбегают на площадку. Утренняя зарядка. Потом умывание холодной водой, линейка, вкусный завтрак в столовой. Детский санаторий Чолпон-Ата встречает новый день.

Песчаный пляж. Хорошо здесь поваляться на солнышке, а потом с разбега нырнуть в прохладную воду, порезвиться, поплавать. На спортивной площадке идет соревнование волейболистов, легкоатлетов. Юные балерины разучивают к пионерскому сбору новые танцы, драматический кружок репетирует пьесу, а группа девочек, рассевшись на лужайке, вышивает для пионеров такие комнатные дорожки, коврики. Ребята любят походы в горы, где так много интересного: крутые, обрывистые скалы, шумные водопады, старые леса, где можно собрать коллекцию минералов и горных пород, насобирать жуков и бабочек, отыскать редкие растения. Юные рыболовы принесли недавно из Пресного пруда в столовую целое ведро сазанов и чебаков.

Больше четырехсот детей рабочих и служащих предприятий Киргизии проходят в этом году курс лечения в горно-климатическом санатории Чолпон-Ата на берегу озера Иссек-Куль. Редкое сочетание горного и морского климата, высокая солнечная радиация, не уступающая по своей интенсивности знаменитому швейцарскому Давосу, создают в Чолпон-Ате исключительные благоприятные условия для лечения детских туберкулезных заболеваний. Побывав в санатории, ребята хорошо прибавляют в весе, освобождаются от недугов, крепнут. Десетки писем с выражением благодарности за восстановление здоровья детям поступает от матерей главных врачей санатория Н. Михайленко, четвертый год беспрерывно работающей в Чолпон-Ате.

В нынешнем году срок пребывания детей в санатории увеличен до двух месяцев.

ЧОЛПОН-АТА, Иссек-Кульская область, Киргизия. (Наш корр.)

ШОТЛАНДСКИЕ ГОРНЯКИ В ДОНБАССЕ

«Мы посетили Подмосквовский и Донецкий угольные бассейны, и об этом можно рассказать чудеса...»

Так заявил в своем выступлении по московскому радио Уильям Пирсон, руководивший делегацией шотландских горняков, посетившей четыре года назад нашу страну.

Чудеса показались тогда шотландцам в короткий срок донецкие шахты, высокий уровень их механизации и та большая забота, какую Советское правительство проявляет о труде и быте шахтеров...

И вот спустя четыре года в Донбасс приехала новая делегация шотландских шахтеров. Ее возглавляет Абрахам Моффат, председатель Шотландского отделения национального профсоюза горняков Великобритании.

В составе делегации — инженер по технике безопасности — Роберт Янг. Ко всему, что его интересует, он присматривается зорким взглядом, ошупывает детали механизмов, нередко достает из кармана серых суконных брюк уголер и производит измерения.

Шотландские гости пожелали прежде всего осмотреть Макеевский научно-исследовательский институт по безопасности работ в угольной промышленности. Приехав в Макеевку, они были удивлены уже одним тем, что институт с его службами занимает территорию в тридцать гектаров.

Гости пригласили осмотреть сооружения исследовательской станции и оборудование института. При этом был продемонстрирован опыт. Начали поднимать кель. Вдруг канат оборвался, и кель с грохотом полетела вниз. Кто-то из гостей испуганно ахнул. Но, не протев и пяти метров, келья остановилась: ее задержал парашют — специальное автоматическое устройство, которым на шахтах Донбасса оборудованы все кельи.

— В Англии этого нет, — сказали гости. — Ваше государство не желает средств для охраны труда шахтеров, — заявил на прощание руководитель делегации Абрахам Моффат.

Кто-то, а горняки в полной мере могут оценить, как много благо для шахтеров — предпринятая установка на кельях, взрывобезопасное оборудование, приборы для замеров угольной пыли и газов.

Делегация побывала на шахте № 1 «Центральная» в Красноармейском районе. Гости захотели спуститься под землю. Они надели новые парусиновые костюмы, фибровые каски и обулись в резиновые сапоги. Только один маленький поджиной старичок Уильям Дункан, крепившийся к шахты «Рамей», надел свои, привезенные из Шотландии, тяжелые башмаки на массивной, подбитой гвоздями подошве.

— Сколько вам лет? — спросил его инженер Иван Филиппенко. — Шестьдесят. Вот проработав еще пять лет, — гордо добавляет старик, — и стану получать пенсию — двадцать пять процентов заработка.

— Вот как? — удивился Филиппенко. — А мне пятьдесят три года, и я уже три года получаю пенсию, притом — в размере пятидесяти процентов своего заработка.

Уильям Дункан посмотрел на него недоверчиво и печально.

Гости спустились в шахту. Они пробрались там несколько часов, проехались на подземном трамвае, видели в работе угольный комбайн «Донбасс», породопогрузочную машину, мощные электровозы... Дункан тоже видел все это, но из его памяти, должно быть, не выходили слова, сказанные советским инженером: Когда шотландцы поднялись наверх, закупились в бане и пришли в клуб...

Гости засмеялись.

Посредил слова Уильям Дункан.

Я с удовольствием выскажу несколько мыслей, затронувших мое воображение, — начал он. — На меня произвело большое впечатление заявление, что в вашей стране горняку после пятидесяти лет дают пенсию. А я сорок пять лет проработал в шахте, и мне еще не выплачивают пенсию... Что касается вашей шахты, — добавил он, — требовалось перед ней цветы, — то я скажу: дай бог, чтобы во всех странах были такие!..

Гости спросили, как обстоит в Англии с питанием горняков.

— У нас все еще существует картонная система, — сказал Моффат. — Шахтер получает в неделю семь унций масла, фунт мяса. Английским шахтерам приходится самим платить за спецодежду и рабочую обувь, за инструмент и даже за лампу.

Председатель делегации шотландских горняков, философский на роду, писал, что в Советском Союзе она видела дома отдыха для шахтеров, где царит атмосфера полного довольства, и что недурно бы и в Англии «подумать над этим вопросом».

Шотландцы видели у нас пионерские лагеря. «Такие лагеря, — писали они, — дают детям возможность провести каникулы действительно весело и в здоровых условиях, и над этим надо подумать и в нашей стране».

Теперь у шотландских гостей спросили, созданы ли в Англии для детей шахтеров летние оздоровительные лагеря. Нет, таких лагерей не имеют, — был ответ. Построены ли для шахтеров дома отдыха, санатории, дворцы культуры? Нет! Все осталось попрежнему, без перемен.

А. ИОНОВ

В МАЛЕНЬКИХ ГОРОДАХ

Специальность и чувство

Чем меньше городок, тем больше пристрастия у старожилов, — да и не только у них, — к его истории. Нет-нет, да и найдется кто-нибудь примечательное, чем можно похвастаться перед приезжим человеком. А если история городка уходит в глубь веков, да к тому же сохранились памятники старины, то и говорить об этом не приходится. Все повелит осматривать руины древней крепости, покажут остатки хром или замка, и вы с интересом выслушаете несколько историй о тех, кто некогда обитал за могучими стенами.

Я приготовился к этому, собираясь в Виноградов, небольшой старинный городок Закарпатской области. Нет здесь ни крупных строек, ни прославленных промышленных предприятий, но сохранились руины древней славянской крепости, старинный замок и баронский замок.

О старинных достопримечательностях Виноградова я узнал далеко за его пределами и был приятно поражен, что к памятникам старины эти достопримечательности не имеют никакого отношения. В Карпатах, на территории дома отдыха «Берегварт», в поселке Иршава и в некоторых других местах в этом году были разбиты чудесные цветники, а в областном центре — Ужгород, на одной из его площадей возник розарий. Люди подолгу любовались красотой пушистых выходящих роз, причудливой формой живых ваз и корзин, разнообразием цветов и тем мажорантом, с которым они были подобраны с любовью. И, конечно, как ни удивительно, но в Виноградове, куда мы едем, не было ни одного цветника, ни розария, ни мажоранты.

И повсюду я слышал одно и то же имя: Федор Черфай из Виноградова.

...Паша автобус остановился в соседнем с Виноградовом городке, чтобы забрать новых пассажиров. Один из них, бритоголовый мужчина с пухлым портфелем, в котором, несомненно, вместе с деловыми бумагами лежали милое, полотно, бритвенные принадлежности — предметы первой необходимости командированного, усадя на свободное место у окна.

— Васильев Иванович, куда? — окликнул его человек, проходивший мимо автобусной остановки.

— В Виноградов.

— Что же это вы, на вечер глядя? Остались бы переночевать здесь... — Ну, что же хочешь здесь, — добродушно проговорил пассажир, — если есть возможность ночевать в виноградовской гостинице? — Это верно, — согласился прохожий. — Вот, пойдя, у нас и здание лучше, и мебель богаче, не сравнить ведь... — Зато там — Савицкий! — В том-то и секрет... Разговор был прерван сигналом водителя. Автобус покатил по шоссе дальше, и через час я высадился в Виноградове.

— Достопримечательности? — переспросил секретарь окружного комитета партии

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Л. ИОНОВ

Владимир ОГНЕВ

А. Твардовский прочно вошел в русскую поэзию. Его творчество имеет много последователей. Уже по одному этому развороту о сильных и слабых сторонах его последнего произведения («За далью — даль», главы из поэмы «Новый мир», № 6, 1953) представляется особый интерес.

Статья поэта А. Чивилихина («Литературная газета» от 11 июля 1953 г.), как мне кажется, ставила задачей показать секреты поэтического мастерства Твардовского в последней его работе.

Мне хочется поговорить о подробностях, о том, как Твардовский в этой работе общается с читателем, о некоторых общих вопросах развития нашей поэзии.

Естественное выражение идеи — свойство большого художника и цельной натуры — находим мы в произведениях А. Твардовского. Творческой манере Твардовского присуща широкая народная основа языка, разговорная интонация, содержание поэтического подтекста. Стихи Твардовского отличаются тем, что дышат любовью к простому человеку, что острота переживания народной боли в годы тяжелых испытаний, которые свойственны истинно большому человеку и поэту. Юмор, то лукавый, то печальный, унылая улыбка, вера в хорошее, в человека, проникновение в сущность русского народного характера — вот те типичные, благородные черты, которые составляют традицию великой русской литературы XIX века и восприняты поэтом в «Доме у дороги» и «Василии Теркин». Живая творческая мысль, любовь, боль, тоска, искренность до дрожи, и все это — народу, человеку простому, скромному, несущему на своих плечах историю.

Если в 30-е годы в поэзии Твардовского главной темой было крушение психологии индивидуалиста-хозяина; если 40-е годы, годы Великой Отечественной войны, дали читателю прорыв к глубине и выразительности чувства поэму, в которой эпос и лирика слились в повествование о судьбах народа, вставшего на защиту Родины, то начало 50-х годов ознаменовалось для Твардовского выходом в новую тему — осмысление личного места его самого как поэта, как сына своего народа.

Отличительным качеством последних стихов Твардовского является какая-то тихая, сдержанная раздумчивость, более напряженное, сосредоточенное внимание к душе человека.

Действие опубликованных глав развивается в двух планах: пространственном и временном. Подмосковье, Поволжье, Урал, Сибирь... А память связывает все это воедино: «в дали обратной» кровавые поля недавно отгремевшей большой войны с тревожными сполохами пожарами в Корею; первые впечатления далекого, много деревенского детства, где зрели душевные силы поэта, с мыслями о мощи индустриального Урала, давшего народу железную силу в Отечественной войне. Проще России, ее настоящего, ее будущего, картины ее величественных просторов — оба эти плана, скрепленные, составляют основу движения стиха. Оставшись надежда с самим собой, в пути, особенно остро ощущает герой масштабность эпохи, тревожащую мирных обитателей:

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.
Он над моей вод постылой
И по стеклу счет крупой,
Душой безбрежной метелью
Свинст и вост вразнобой.

Он полон славянской тревоги,
Белы, что череди жист.
Он здесь еще слышит, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Так, уже с первых строк мы оказываемся включенными в большой и сложный мир. Но этот мир мы воспринимаем преломленным через личное восприятие его 주인공ом. Для Твардовского — это своеобразный психологический процесс, заключающийся в том, чтобы сначала как бы немножко отойти, отодвинуть от себя этот мир и затем пристально рассмотреть его на расстоянии.

Каков же мир, который открыл нам Твардовский? Образ Родины встает перед нами не только в выражении пространственного. Он живет в русском духе величественных описаний природы, в истинно русском по щедрости чувства, по насыщенности восприятия жизни:

И неясная мечта
В пути находит неизменный:
Две дали рядом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

Стожок подпоясанный сенца,
Колодки, будка путевая.
И в оба от нее коня
Уходят, землю обняв,
Две эти дали — как одна.
И обе вдруг душе предстают.
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...

Эти чудные картины по настроению, по силе любви к Родине связывают нас невидимой нитью с образами Лермонтова, Некрасова, Блока. А по своему неукротимому духу открывания нового, по «ненасытности» мечты, по чувству неоплаченного долга «перед всем, про что не успел написать», — разве не родственны эти строки и Владимиру Маяковскому!

Образ Родины в творчестве Твардовского неразрывен с образом ее народа. Быть может, здесь находит олицетворение идея вечности народа.

Одно из самых замечательных качеств настоящего искусства — умение показать человеку масштабность его существования на земле, связать великое с малым.

Образ Родины, естественно, вызывает у лирического героя поэмы чувство личного долга перед ней. Как бы перед лицом ее величия советский человек обращается к своей гражданской совести. Всегда ли я был честен и смел, самоотвержен и принципиален? Научился ли я измерять свои дела, свои чувства с тем главным в жизни, что объединяет нас всех в единое целое, имя которому — народ? Родина выступает теперь в образе читателя.

Читатель! Друг из самых лучших,
Из всех полупочтено попутчик,
Из всех своих особо свой...

Его верховным судом, как именует Родина, судит поэт духовное мещанство, людей с двойным дном — приспосабливцев.

Мещанство — это не то, что люди часто считают познанием в мелочах. — Жизнь, встает, во многом и состоит из этих мелочей, прозаичных, но необходимых, — а то, когда эти мелочи составляют цель жизни, т. е. перерастают естественные пропорции.

Сатира не была любимым родом оружия Твардовского. Теперь он не может обойтись без нее. В одном из лучших страниц его новой работы относится глава о месте художника, о роли искусства в нашем обществе. Поэт гневно и сдержанно охарактеризовал «творцов, певцов», кто пытался, живой интерес к жизни народа давно уже заменив мелким расчетом, соображениями личной выгоды, в чьих романах и поэмах

...все похоже, все подобно
Тому, что есть или может быть,
А в целом — вот как несладко,
Что в голос хочется завыть.

Глава эта могла бы быть гораздо веселее и значительнее, если бы поэт еще глубже и определеннее связал тему описания искусства с общей задачей воспитания непримиримости к приспосабливцам и тунеядцам. Искусство — не «служба», говорит поэт. Но и служба — не только «служба». У настоящего человека она — творчество, как всякий свободный труд. Однако в поэме поставлен важный вопрос. Долг нашей литературы, нашей сатиры — углубить и развить эту тему. Задача не легкая. Приспосабливцев — фигура упрямая, с хорошо подешенным языком и юркими глазами. Он сам имеет в обычае судить и ругать честных людей. Такой не остановится ни перед чем. Клевета и демагогия — его оружие. Усиленно подчеркиваемая видимость ортодоксальности — его маска. От унылого взгляда художника не должно укрыться мертвое, безжизненное выражение этой маски. Приспосабливца выдает отсутствие физиономии, а без физиономии, как говорил один тургеневский герой, «нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии».

В последней работе Твардовского много истинно хорошего, полезного людям, а значит, действительного.

Но, кажется нам, крылья поэзии Твардовского распространились бы еще шире, если бы поэт активнее, решительнее преодолел некоторые противоречия своего метода. Каковы же эти противоречия?

Поэт, по выражению Маяковского, — «народа водитель, и одновременно — народный слуга». Твардовский охотно принимает последнее, но излишне пасивен в том, что для Маяковского было первым. Он как бы боится стать «водителем» для своего читателя, он не любит и не хочет судить его. Охотнее он ставит себя на суд читателя.

Сильная сторона Твардовского — его органичность, неподдельная связь с народом, с землей, его породившей. Такого не выдумашь! Нельзя без волнения читать прекрасные строки (на наш взгляд, лучшие в поеме) о старой деревенской кузнице.

Мель Твардовского ясна и бесспорна. Только тот, кто с детства выжил в себя трудовые навыки, уважение к труду, будет чувствовать себя «как дома» в любой «теме труда». Лично то, что «не только по-нашему» знает о работах и славе простого труженика, способен слышать зов «спаси кузальца деревенского» в гигантском строительстве нового.

Однако следует все же сказать, что прошлое в этой главе поэмы Твардовского выражено художественно сильнее, нежели настоящее. И не один только этот, но и некоторые другие примеры у Твардовского говорят о том, что эта особенность тормозит постижение поэтом нового; и здесь заложено существенное противоречие. Оно уже очень ясно проступило сквозь строки стихотворения «Новая земля» (1951 г.). Где Твардовский, напутывая новую тему историю, очень неточно сравнивал нашу Советскую страну с «новой землей», осязаемой переселенцами. Он писал так:

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им нежитой.
И поминки няня старона.

И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жить иную памятью облететь.
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

Все, что относится к первому плану — конкретному переселению, — верно и точно. Но все перенесенное на второй, главный, исторический план становится неверным, неточным.

Новая жизнь действительно долгое время «необитаема», но самая эта необитаемость не трогает по обитости прошлого, а чувствует будущую радость романтика нового, небывалого, романтики освоения человека! И слово «окорениться» — какое-то чужое здесь, непонятное. Время Комсомольска, Днепротеса, Кузнецка знает иной, беспокойный пафос: города, люди, отношения творятся, плавают в сплошной лихорадке буден. И «явно памятуя» облекалась жизнь раньше, несравненно раньше, нежели успевали родиться дети и деть в землю «деды»...

В последней работе Твардовского, которая все проникнута идеей устремления валь, к новому, это центральное старое, отяжело проявляет себя, чем раньше, но все же еще нет-нет да и проявляется.

Богатство подтекста всегда идет от глубины образа, и его тем труднее испереть, чем точнее и конкретнее образ. Конкретность и определенность образа не только не исключает возможности читательской фантазии, но, наоборот, предполагает ее. Так, например, сказано о войне:

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,

Как рано, что лет-лет и друг
Заговорит к дурной погоде...

О Волге, которую жут, прижавшись к
окопному стеклу в вагоне:

Она! — И тихо засмеялся,
Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.

Первый образ прежде всего предельно точен. Вряд ли нужно сегодняшний политический грамотному читателю растолковывать смысл «дурной погоды» или смысл определения «притихшая» о памяти войны. Сколько поразительной чуткости в выражении напряженного состояния человека, который получил надежду на мирную жизнь, однажды поверил в нее, но вот теперь снова с тревогой разворачивает газету и включает радиоприемник. Это очень современно, политически и исторически конкретно. И потому поэтика общечеловеческая. В несколько другом, чисто психологическом плане любопытен и второй образ. В нем предельно точно выражена радость исполнения ожидания. Фантазия способна нарисовать любую другую сходную обстановку, но психологический смысл картины останется верным и для нее.

Общее движение Твардовского к более широким темам наложило известный отпечаток на язык поэмы. В лексике ее уже реже встречаются изысканные поэтом «присказочные» обороты, терминский говор: «мол, ты да я, да мы с тобой», «по той одной простой причине», или смысловые повторы типа «что край и есть такое место, как раз такая сторона».

На смену им приходят иные лексические конструкции, начинается тяготеение к пушкинскому строю стиха, что порою является до безусловности.

Твардовскому присуще очень ценное качество — творческое беспокойство, полнокровность души. Мы являемся свидетелями напряженного внутреннего развития его личности. Поэт всегда находился в пути: искал, возвращался, но не сидел смирно. Образ героя неспроста сопровождал творчество Твардовского. По ней шел в лапы Моргунок искать крестьянского счастья, дорога вырвала из юма Сивцова и пошла, быть, и трепать его, испытывая на верность Родине («Дом у дороги»), на дорогах войны познакомились мы с Теркиным... В лирическом пыле, окрашенном грустью (сентябрь, 1951 г.), Твардовский, с большим доверием, а с некоторой растерянностью, подолжавшись с читателем тем внутренним криком, который судило ему после пережить, спрашивал себя:

Или опять я собрался в дорогу?

«За далью — даль» — поэма, которая только начинается, но в ней уже сказано, правда, от лица читателя, но, пожалуй, впервые для Твардовского, так твердо, ясно и категорично:

Не уступлю! В этом — новое, застрявшее
для поэта. Он становится тверже, активнее, определеннее, непосредственнее в защите самого дорогого для себя и, добавим, — самого дорогого для читателя.

В дороге и наша поэзия. Все, что любит ее, не может не вознаться вопрос, как она будет развиваться дальше. Хотелось бы ответить на этот вопрос и объяснить принципиальный успех последней поэмы Твардовского, сказав следующие:

Что поэт не может не писать, это давно известно. Что читатель не мог не читать, — вот задача. Для этого поэзия должна жить тем, чем живет народ. В общей форме это не ново. Но именно непонимание этой простой истины и объясняются слабости нашей поэзии.

Когда человеку нечего сказать, он лезет в историю и каждый раз, когда вновь оказывается в подобном положении, не ломает заново голову над определением своего состояния. Когда же случается, что читатель нечего читать, так как в стихах, опубликованных в журналах, он не находит ничего нового для себя, а, напротив, все давным-давно ему известно, тогда мы, литераторы, называем это все новыми и новыми «проблемами»: традиции, композиции и т. д. и т. п.

Чтобы поэзия стала хлебом насущным, в ней надо думать. Это прежде всего. Опыт классики показывает, что сила настоящей поэзии — не в более или менее умом запечатленивании отдельных картин действительности, а в установлении новых жизненных связей, активного участия в преобразовании действительности. Большая поэзия всегда ставила и ставит вопросы жизни, стремилась к чему-то, за что-то боролась, негодовала и торжествовала. Она была, следовательно, в движении. Непременное око гражданской совести — вот душа поэзии. Русская классическая литература была литературой «вопросов»: что делать? кто виноват? Иные поэты решали сегодня, что это — вчерашний день поэзии. А почему? Разве жизнь остановилась? Разве литература и теперь не призвана отвечать, — разумеется, на совсем иные, чем раньше, но столь же, и даже еще более важные, волнующие читателя, острые, а иногда и наиболее важные вопросы?

Лучшие произведения советской поэзии потому и вошли в золотой фонд искусства, что они находили непосредственный отклик в действительности, отвечали на вопросы времени и ставили новые вопросы. Последняя работа А. Твардовского встает в этот ряд большой поэзии потому, что главный фокус поэмы шире одной лишь проблемы искусства. В поэме поднята проблема отношения к жизни. Твардовский пишет:

Одно, что дорого и люблю
Душе, мечте твоей азбука,
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой правдивой речи,
А не вранья холодный дым.

И где все твоё незанято,
И где за тобой любовь,
И ты, тот самый, тот любимый,
Каким еще мечтаешь быть.

Что дорого нам в опубликованных главах Твардовского? Страстная и честная исповедь поэта-гражданина. В этом — политическое, воспитательное значение последнего произведения Твардовского. В этом — его принципиальное значение также для всей нашей поэзии.

ЗАМЫСЕЛ
И ВОПЛОЩЕНИЕ

Свою книгу «Северный шелк» (Кострома, 1952. 174 стр.) Н. Абагуров посвящает «простой, скромной русской женщине, Герою Социалистического Труда Марии Степановне Крутецовой». На титульном листе книги есть подзаголовок: повесть. Этот подзаголовок в сочетании с посвящением и названием книги (северным шелком в средней полосе России нестари несутся лен) определяет авторский замысел: перед читателем художественное произведение о лучших мастерах-леноводах, новаторах колхозной деревни. Заманчивая и достойная тема!

Но с первых же страниц книги читатель начинает испытывать некоторые беспокойства. Конечно, автор знает предмет. Больше того: он с очевидной тщательностью изучил проблемы сельского хозяйства. Это явствует из пространных разговоров его героев о всхожести и прорастании семян, о севооборотах и травосеении, о спосабах тербования льна и вспашке под зябь, о преимуществах различных удобрений и о качествах сельскохозяйственных машин. Но чем подробнее рассуждают герои Н. Абагурова о технологии выращивания льна и чем обстоятельнее повествуют об этом автор, тем больше тревожит читателя.

Тревога переходит в разочарование. Читатель ждал встречи с людьми. Но в книге нет живых характеров. Нет разнообразной и богатой человеческой психологии. Нет борьбы страстей, подлинных обид, горьких ошибок, ярких радостей. Все это подменено вялым и бледным описанием условий персонажей, которых читатель при первом же их появлении безошибочно делит на «передовых» и «отсталых».

Знакомая львового цвета зена Анна Семеновна Метелева, ее муж, бывший фронтовик Алексей Иванович, партгор агроном Дубов — носители передовых идей научной организации колхозного производства. Председатель колхоза Удалов, бригадир Лука Васильевич, колхозница Феофановна — персонажи до некоторой степени отрицательные, отсталые. Они слегка сопротивляются внедрению новых методов выращивания льна, не сразу понимают необходимость упразднения зноньев при механической обработке земли, сомневаются в пользе укрупнения колхозов. Но читателя не волнуют эти псевдоконфликты, которые, кстати сказать, сам автор с неопозитивной торопливностью заглушает при самом их возникновении. Читатель знает: «передовые» персонажи без большой затраты сил убедят в своей правоте «отсталых», и те, устыдясь, к концу книги непременно переключатся в разряд «полно положительных».

Лишь один-единственный раз читателя поджидает радость. В коротеньком (всего две странички!) эпизоде с ленивым пахарем Мининым, когда Метелева, рассердившись, молча отнимает у него пуг и сама берется за дело, герои книги ведут себя естественно и правдиво.

Эпизод этот убеждает, что автор знает живую действительность и мог бы рассказать о ней интересно. Но вместо этого он многие странички своей книги заполняет почти стенографическими отчетами всевозможных совещаний и заседаний, а о личной жизни своих героев, об их чувствах, о человеческих страданиях и радостях сообщает стилизованно, в сокращении, не всегда грамотной скороговоркой. Вот Метелева вспоминает о горьком случае расставания с мужем, уехавшим на фронт:

«Но, когда пришла пора провозжать его в дальний путь, не выдержало сердце. И чем дальше оставалась деревня, тем сильнее жемло его» (!).

Даже разражающуюся темой автор склонен рассматривать с точки зрения «производительной необходимости»: «Метелева видела, как озорноват (?) улыбающийся девушка и как задержался на ней ласковый взгляд кузнеца. Глаза их говорили: как хорошо быть вместе! И Анна Семеновна с теплым чувством пошла из кузницы. Она была уверена: инвентарь будет отремонтирован через несколько дней».

Книга нестрит неуклюжими и безграмотными оборотами речи. Нельзя же, в самом деле, так рисовать образ портгара: «Несмотря на отдельные вспышки, вызванные непониманием некоторых его новшеств, люди все больше уважали его... Он всегда прямо, без лишних загромождений (?), говорил с людьми... Она примечала также, что у Дубова до всего доходила руки...»

И главное: нельзя повесть о людях колхозной деревни превращать в отчет колхоза или агротехническое пособие.

Ольга ЗИВ

В НОВОЙ
ПОЛЬШЕ

Трудящиеся Польши с гордостью называют Новую Гуту польской Магниткой. С величайшим размахом, со смелым взглядом в будущее, самоотверженно строят они социалистический город и крупнейший металлургический завод.

Но не один лишь строительные леса горит о социализме. Притягивает и притягивает перестройку жизни многообразие и многообразие. Мы видим их во всем — и в первой, яростной пене, выхлывшей вилками корабля, только что сущенного на воду с стапелей верфи; и в гуде тракторов, где обновленная земля сбрасывает с себя досухотное покрывало карпычовых наделов и полей; и в том, как звучат веселые молодые голоса под мрачными сводами старинного университета в Кракове; многие студенты — дети бывших батраков, дети пастухов, шахтеров, прачек.

Эта картина повзвещающего созидания встает перед читателем в сборнике «Рассказы о новой Польше» (Варшава, 1952. 148 стр.), вышедшего в «Библиотеке солдата». Рассказы охватывают все последние годы, начиная с незабываемых дней освобождения Польши от фашистского гнета.

Богдан Гамера в рассказе «Взгляд на себя» тонко показал, как Мухрак, человек нерешительный, робкий, спасает в дни войны раненого советского танкиста. Мы по-настоящему взволнованы, когда танкист, лежащий в бессмятстве, наконец-то «слетает» повеваля головой, чуть выдохнув и приподняв отяжелевшие веки. Глаза его, сначала мутные и невидящие, медленно набирались живого блеска и сознания... Жалким взглядом вился Мухрак в эти открывшиеся, наконец, ожившие глаза, упорно и торопливо ища слов, которые могли бы принести раненому утешение и показать ему несказанную радость его спасения».

Генрих Ворцель в рассказе «Сомнения Сетеха» познакомил нас с крестьянином, который колеблется, стоя на перепутье двух дорог: одна из них ведет в застрявший льн, в земледельческой кооператив, а другая — в прошлое. Нет, не легко, совсем не так легко тягостное сомнение уступает место уверенности, не сразу перед крестьянином открываются такие горизонты и на душе становится так светло, что он, подобно Кудце, — одному из героев рассказа — может воскликнуть: «Видишь, одна весна на свете, а мне кажется, что две идут. Вот тут, на поле, — он широким жестом обвел округ, — она, а здесь — ударил себя в грудь, — вторая!»

Рассказы «Взгляд на себя» и «Сомнения Сетеха» — лучшие в сборнике именно потому, что характеры героев здесь даны в развитии, что их возмужание и рост показаны с той психологической достоверностью и глубиной, которые вызывают полное доверие у читателя; его не заставляют верить в молниеносное перевоплощение героя по мановению волшебного писательского жезла.

Рассказы Яна Курчаба, Станислава Ковалевского и членов литературного коллектива «Строим» передают горячий пафос строителей новой Польши, творцов шестилетнего плана.

Дликий старик Петр Биняк возвращается на свой завод, к своим токарным станкам, он не в силах оставаться в стороне от всеобщего подъема (рассказ Яна Курчаба «Душман»). И не в том дело, что «хочет себе этот старик с тряпкой и мисочкой по всему цеху, и как только станок останавливается, — он тут как тут». После того, как душман заболел, в цехе долго помнили его, он продолжал оставаться для всех значимым наставником. То и дело слышалось: «Эх, я залал бы тебе душманка за такую работу!» Или: «Твое счастье, что душман не видит, что творится на твоём станке!»

Старое не сдается без смертельной борьбы, классовые враги, борясь с новым, не стесняются в выборе средств. В рассказах С. Ковалевского «Классовая борьба» и «Большой план» показано, как злобует и вредит враг на шахте «Эльбжета», на фармацевтической фабрике и как этого врага разоблачают.

К сожалению, эти рассказы перескалены действительными лицами, им очень тесно, они мешают друг другу, и автор лишает себя возможности показать героев так, чтобы запомнились присущие им характерные особенности.

Некоторые авторы сборника рисуют врага только с отталкивающей внешностью. Чужак Спрось — «жирный, с угреватым, толстым носом и маленькими черными усами...», «с подобострастной улыбкой» («Большой план»). Инженер по прозвищу «Крыса» кричит «тонким, визгливым голосом», его «высохшее лицо... скорчился и стало походить на крысиный мордочку»; он смеется, «ощерив острые зубы» («Перекопанные знамя»), и т. д. Навью и даже вредно представлять себе подобным образом внешний облик врага, который в жизни, разумеется, имеет самые разные обличья.

Жаль, что составители сборника не представили в нем рассказы, полнее и ярче показывающие рост материального благосостояния трудящихся Польши. Чем ближе знакомимся с Польшей сегодня, тем больше там живешь и больше путешествуешь, тем с большей радостью убеждаешься: уже сегодня пользуется трудовой человек богатыми плодами новой жизни.

Евгений ВОРОБЕВ

КНИГА
О НИКОЛАЕ
ОСТРОВСКОМ

Достоинство книги Н. Венгрова «Николай Островский» (издание Академии наук СССР, 1952. 319 стр.) заключается прежде всего в том, что автор дает серьезный и интересный анализ творческой деятельности талантливого писателя, делает удачную попытку определить его место и роль в развитии советской художественной литературы.

Некоторые критики пытались отрицать существование образа положительного героя в русской классической литературе, а ныне не находили его даже и в советской литературе до появления романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Не приходится говорить, насколько эта точка зрения порочна.

Н. Венгров подходит к анализу «Как закалялась сталь» с конкретно-исторических позиций, правильно утверждает, что заслуга Н. Островского заключается в создании типического образа нового советского человека — человека социалистического общества.

Лейд этого поколения в 30-е годы можно было встретить на заводах и фабриках, в шахтах и на нефтепромыслах, на колхозных полях, за штурвалами самолетов. Это были ровесники Павла Корчагина: Алексей Стаханов и Петр Клычков, Пала Ангелина и Мария Демченко, Валерий Чкалов и Полина Осетенко и многие другие.

Николай Островский явился как бы преемником этого поколения в литературе, но поспешно не единственными: Н. Венгров совершенно правильно называет имена Гайдара и других писателей, чьи судьбы переплетались с судьбой Николая Островского.

Сравнительная биография Островского и жизненный путь Павла Корчагина, на много численных примерах, Н. Венгров доказывает истинность и вредность сведения романа «Как закалялась сталь» к биографии автора. В книге интересно и конкретно говорится о социалистическом реализме в творчестве Н. Островского, отмечается, что Островский учился у Горького показывать действительность в развитии, смотреть на настоящее из будущего.

Такими в общих чертах основные достоинства книги, этой наиболее крупной и фундаментальной работы о Николае Островском.

Но, правильно выступая против узко биографического подхода к оценке прожитой жизни П. Островского, автор все же недостаточно анализирует творчество писателя, художественные особенности его книг. Из 300 страниц литературного анализа «Как закалялась сталь» уделено двадцать и примерно столько же — роману «Рожденные бурей». Весьма мало внимания уделено публицистической деятельности писателя, и то немногое, что сказано по этому вопросу, разбросано по разным главам.

Отправясь, главным образом, на последние воспоминания Г. Алексеевой, обильно цитируя их, автор утверждает, что Н. Островский с начала работы над первой главой книги претендовал на создание обобщенного образа героя нашего времени. Возможно себе представить, чтобы Г. Алексеева удержала в своей памяти многочисленные высказывания писателя по таким серьезным, специфическим вопросам творчества, в которых она, тогда еще совсем юная, была совершенно не искушена. Создается впечатление, что Островский писал книгу уже сложившимся писателем, в то время как в действительности он лишь постепенно, хотя и стремительно, в ходе работы овладевал мастерством.

Заслуживает внимания и изображение большой работы автора над биографией Н. Островского, помещенной в приложение.

Г. ЮРКИН

ЖИЗНЬ
В ТЕАТРЕ

Творческий путь старшей нашей актрисы А. А. Яблочников на сцене Малого театра (с 1888 г., то есть в течение 65 лет) по времени раскрывается почти поровну между работой в старом, революционном, и в советском театре.

Воспоминания свое прежнем жизненном кредо, изложенное еще в 1914 году словами героини Островского Негини: «Я актриса... Мне только бы на сцене быть. Разве я могу без театра жить?», сейчас актриса прибавляет от себя: «Была-то эта репутация Негини полностью характеризовала мое отношение к сцене. Теперь она мне кажется недостаточной. Я и теперь не могу жить без театра и вне театра, но ограничусь тем, чтобы только бы на сцене быть, а не могу... Советский актер не может замыкаться в круг своих узкопрофессиональных, чисто театральных интересов».

«Ни одна из артисток прошлого, — пишет далее Яблочников, — не смогла бы представить себе, что будет такое время, когда она, актриса, станет общественным и государственным деятелем, постоянной участницей самых различных митингов и заседаний, будет держать тесную связь с ребятами — пионерами и школьниками, с молодежью, будет выступать с речами перед профессорами, перед колхозниками, рабочими-станководами, солдатами, что ей предстоит выступать в Кремле, что ее высказывания по различным вопросам будут передаваться по радио, наконец, что в печати будут появляться ее статьи...»

Интересные воспоминания А. А. Яблочников («Жизнь в театре», «Актуально», 1953, 268 стр.) о своей долгой жизни, об опыте создания сценических образов в классической и советской драматургии представляют собой много поучительного для молодого поколения актеров.

Театральной школы Яблочников не кончала. Однако необычайная любовь к театру, о которой она сама говорит, упорный творческий труд, поддержка выдающихся мастеров русской сцены помогли ей преодолеть все препятствия на своем пути.

Получить роль в то годы было нелегко: требовалась «протекция». На долю молодой актрисы в большинстве случаев приходилось лишь незначительные роли в лучших салонных комедиях и водевилях. Но Яблочников сама работает над крупными, формирующими актерскими ролями, старательно «делает» их, а сделанные прятает «в прок». Вот эти-то «клены сделанных ролей», о которых говорит она, — сделанные, но в большинстве случаев так и не сыгранные, — помогли актрисе развить свою сценическую технику.

Большое значение имеет для молодых актеров все, что рассказывает Яблочников о работе над сценическими образами, о своих наблюдениях над техникой игры. Много внимания уделяет она, например, общению с партнером на сцене — задаче, поставленной в свое время еще Ленским и образно сформулированной О. Садовской: «Ты дай мне крючок — я тебе петельку».

Перед читателем книга проходит образы замечательных русских актеров, с которыми работала или встречалась актриса: Фелатова, Ермолова, Ленский, Лейтманская. Но здесь хочется поинтересоваться у автора не умуравов за сценой, невозможность этих зарисовок. Ведь о многих выдающихся мастерах русского театра, которых хорошо знала Яблочников, в нашей театральной литературе сказано очень мало, сведения о них весьма скудные. Кому же сделать это лучше, как не старшей нашей актрисе, все это являвшей и знающей! Благодаря такой дополнительной работе ее интересные воспоминания во многом выигрывают.

„ТЕТРАДИ МИРА“

Кто такой генерал Шварцкопф

По страницам печати

«Гунженжбас» — Китай;
«Отечественный фронт» — Болгария;
«Трибуна людей» — Польша

В ОКРЕСТНОСТЯХ АНЬШАНА

Аньшань — центр тяжелой промышленности Китайской Народной Республики. Когда пойдешь к городу, перед глазами встает лес заводов труб, окутанные белым паром градирни, дома.

«Но Аньшань», — пишет газета «Гунженжбас», — славится не только как город стали. Очень живописны его окрестности. Рабочие и служащие комбината, их жены и дети в выходные дни выезжают в горы, где в лесных чащах расположились дома отдыха.

Большой популярностью пользуется у аньшанцев и местечко Цяньшань, в 20 километрах от города. Устойчивый бор почти скрывает корпус санатория, который примет вскоре первых больных. Удобное шоссе ведет отсюда к целебным минеральным источникам.

«Растет, хорошеет и сам Аньшань», — заканчивает «газета». Народные власти стремятся создать здесь как можно больше удобств металлургам и их семьям. Вокруг жилых кварталов города и рабочих поселков повсюду вскоре появятся зеленые полосы. Будет высажено свыше 3,5 миллиона деревьев.

ПЕРВЫЙ БОЛГАРСКИЙ КОМБАЙН

«На востоке все больше светлеет. Погасли последние звезды. Легкий ветерок покачивает тучные колосья пшеницы. С первыми лучами восходящего солнца на шоссе, ведущем к селу Красен, появились трактор с комбайном. Украшенный плакатами и гирляндами цветов, комбайн поехал издалека на огромный комбайн. Увидев машину, кто-то крикнул: — Маг! Комбайн идет!»

Большая группа крестьян встречала машину на окраине села, рассказывая газете «Отечественный фронт». Это был первый болгарский комбайн «Димитров-6», изготовленный с помощью советских специалистов рабочим заводом имени Георгия Димитрова в Руссе.

В эти дни на полях трудового кооператива сельскохозяйственного хозяйства села Красен успешно продолжают испытания болгарского комбайна. И скоро вслед за первой машиной на поля болгарских земледельцев непрерывным потоком двинутся все новые комбайны «Димитров-6».

НАХОДКИ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ

Под стенами древнего Краков — все отчетливее проступают контуры персее польской цивилизации — гигантского металлургического комбината «Новая Гута». Вместе с тысячами строителей трутятся здесь и археологи.

«Результаты археологических исследований на территории «Новой Гуты», — рассказывает газета «Трибуна людей», — проливают новый свет на историю славянских племен. Найденное большое количество гончарных печей и гончарных изделий, относящихся к IV веку н. э. Археологи установили, что это следы одного из древних поселений славян.

Результаты раскопок свидетельствуют о высокой степени культуры славянских племен, заселявших эту землю.

В городе Новая Гута состоялся съезд археологов, который подвел итоги всех этих исследований.

Приветствуя съезд, переводчик труда Стефан Слэм сказал:

«Мы благодарим вас, людей науки, за то, что вы восстанавливаете картины прошлого нашей родины. Вы учитесь нас любить нашу историю».

М. ПАВЛОВ

«Тетради мира», распространяемые французскими сторонниками мира

прекращения войны в Индо-Китае, было собрано больше 100 тысяч подписей. В городах и селах департамента Эн-сони трудящиеся создали записки в «тетради мира»: в Касси — 800 человек, в Гиз — 417 и т. д.

«В городе Аск департамента Тари и Гарона», — сообщает «Юманите-димаши», — эта бесценная маленькая тетрадка стала переломным моментом в другой по инициативе мира — независимого социалиста — после того, как муниципальный совет принял резолюцию с требованием проведения переговоров. Все главы семейств подписывались под этим требованием. Кста, сотни других муниципальных советов уже приняли аналогичные резолюции».

Французский народ глубоко обеспокоен угрозой возрождения реакционной западно-американской армии. Он хорошо помнит страшные годы гитлеровской оккупации. Жители одного из крупнейших французских городов — Марселя никогда не забудут, как в 1943 году солдаты вермахта разрушили их жилища, а самих марсельцев расстреливали, бросали в тюрьмы, угоняли в гитлеровскую неволю. Суровым напоминанием о бедствиях войны служат фотографии гитлеровцев с жителями Марселя и которую сторонники мира распространяют сейчас вместе с петициями, призывающими к переговорам. Над этой фотографией, которую мы воспроизводим, крупными буквами написано: «Мы откажемся от боинский и парижский договоров».

В простых человеческих документах четко и ясно сформулирована воля честных людей Франции, которые твердо решили прервать дорогу войне. Их возмущают заключительные слова Воззвания, принятого Всемирным Советом Мира в Будапеште: «Победа мира близка. От нас зависит добиться ее».

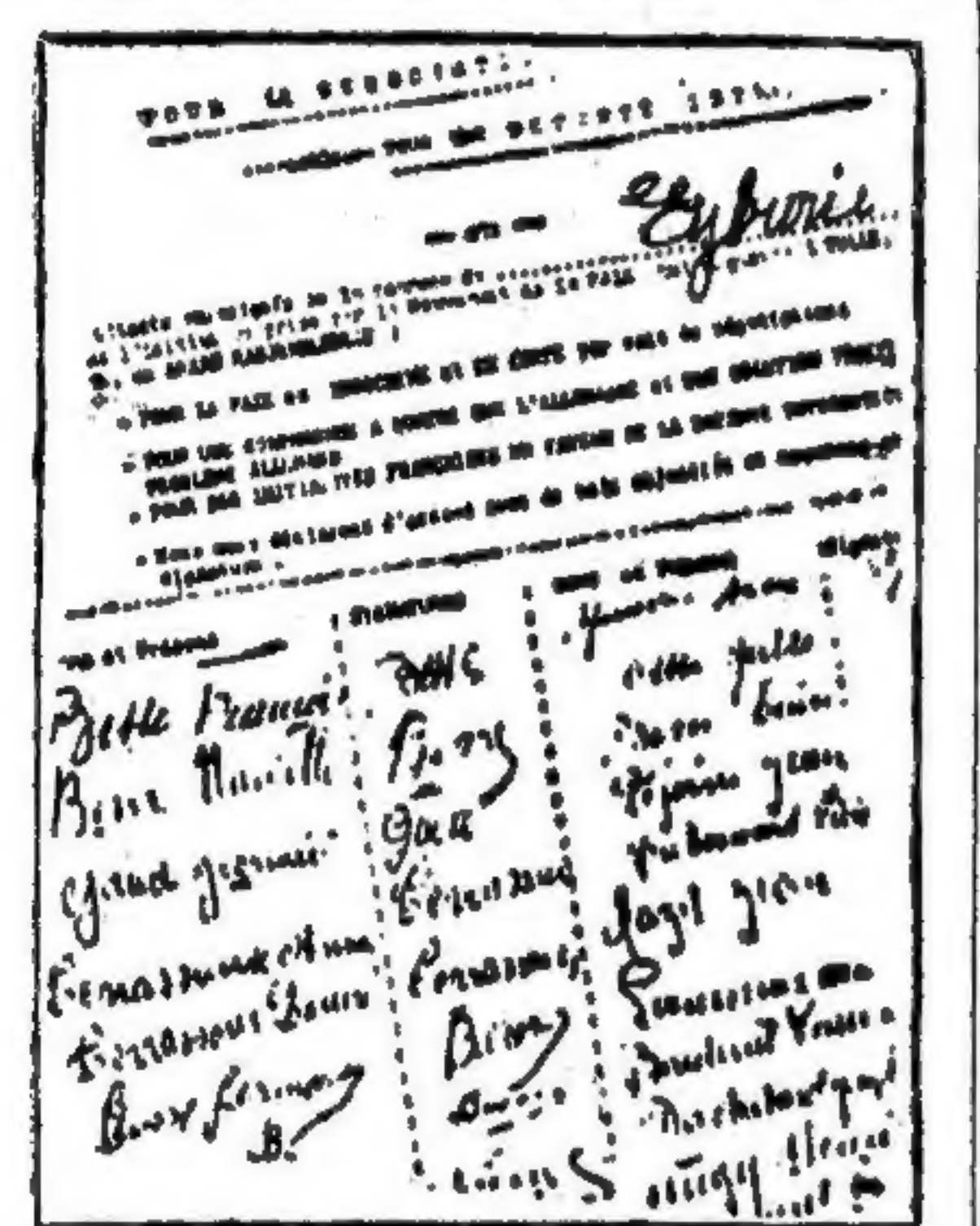
«Мы откажемся от боинский и парижский договоров», — написано на этой петиции, распространяемой сторонниками мира в Марселе. Снимок из французской газеты «Юманите-димаши»

После будапештской сессии Всемирного Совета Мира, состоявшейся в июле этого года, во Франции развернулась широкая кампания за разрешение путем переговоров всех спорных международных вопросов. Все большее и большее число людей выступает в поддержку решений, принятых в Будапеште.

Многочисленные формы борьбы французских трудящихся за мирное урегулирование всех спорных международных проблем. На заводах и фабриках сторонники мира распространяют специальные опросные бюллетени: любой рабочий может, таким образом, высказать свое отношение к проблемам, от которых зависит ослабление международной напряженности. В результате такого опроса на парижском предприятии «Минерва», расположенном в районе Ней-сюр-Сен, все 227 рабочих высказались, например, за прекращение войны в Индо-Китае.

Особую популярность приобрели сейчас во Франции «тетради мира». В большинстве случаев — это и в самом деле обычные школьные тетради, в линейку или в клеточку, с красной полосой, отделяющей поля, и очень часто даже с табличкой уможения на последней странице обложки. Люди, берущие эти тетради в руки, чтобы написать в них о своей воле к миру, естественно, не могут не вспомнить о тех, кто обычно пишет в таких тетрадках, — о детях Франции, жестоко страдающих от последствий гонимого оружия, о детях, которых нужно уберечь от войны, от бомб, от голода, от сиротства. Не случайно поэтому на обложках «тетрадей мира» фотографии улыбающихся малышей, которых не знакомы ужасы войны, и фотографии искалеченных, истерзанных корейских ребятишек.

Во многих департаментах Франции сторонники мира собирают подписи простых людей, требующих мира и переговоров, на специальных петиционных списках. Но независимо от того, сделаны ли эти записки в ученических тетрадках или в специальных бюллетенях или петиционных списках,

Листок из «тетради мира»

люди пишут о самом главном, что волнует их больше всего: о мире. «Большинство белых листов бумаги и школьные тетради переходят из рук в руки. — рассказывает газета «Юманите-димаши», — Почерк, которым сделаны записки, бывает лучше или хуже, у одних фразы составлены более складно, у других — менее. Но каждый пишет то, что он думает. В нескольких словах люди рассказывают о происшедшей в их жизни трагедии — трагедии, вызванной войной: об убитом сыне, о жене, погибшей под бомбами, об убитых спешках разрушения. Любовь к жизни и к миру ощущается в каждой записке».

Вот несколько записок, сделанных жителями коммуны Лави (департамент Тари и Гарона).

Г-жа Караль, вдова, пишет: «Моего мужа не стало во время последней войны. Я осталась одна с четырьмя детьми. Поэтому, как и все честные люди во всем мире, я стою за прекращение войны в Индо-Китае... Я хочу, чтобы наши дети жили в условиях мира».

Другая надпись, глубоко волнующая своей безыскусной простотой, принадлежит Франсуазе Ожа, 82 лет: «Три моих сына участвовали в войне 1914—1918 гг. Один был убит, другой попал в плен, третий стал калекой. Еще был убит мой брат».

А следующая запись в той же тетради гласит: «Я подписываюсь за мир, потому что я молод».

В городе Брив первым поставил свою подпись в «тетради мира» пенсионер Фай. Он написал: «Мой сын находится в плену во Вьетнаме. Вот вам моя точка зрения: я требую окончания войны в Индо-Китае, немедленного прекращения военных действий и заключения соглашения об обмене военнопленных в целях их репатриации. Экспедиционный корпус должен вернуться на родину. Я стою за соглашение между пятью великими державами...».

О том, какие широкие размеры приняла после будапештской сессии массовая кампания за мирное урегулирование спорных и нерешенных вопросов, свидетельствуют следующие факты. В начале августа в 51 населенном пункте департамента Бур-дун Рон под резолюцией, требующей

относительно Большой Советской Энциклопедии. Это издание пользуется высоким авторитетом среди переводов немецких статей из БСЭ выпускаются отдельные изданиями в немецком переводе. Недавно вышла прекрасная изданная в богатой иллюстрированной книге «Германия», представляющая собой перевод соответствующего раздела из БСЭ. Но именно особое доверие, оказываемое Советской Энциклопедией, вызывает и особую требовательность. Немецкие читатели хотели бы найти в БСЭ точные (с указанием числа и месяца, а не только года) даты рождения и смерти выдающихся писателей, политических деятелей, ученых. Мне был задан вопрос, почему этих дат не приводит Энциклопедия. Не будучи ослепленным, в чем тут дело, я обещаю передать эту претензию по назначению, что и делаю публично, поскольку это интересно и советского читателя.

Исключительный интерес вызывает выходящее в Советском Союзе тридцатитомное собрание сочинений А. М. Горького и предстоящие новые издания немецких классиков. Все относящееся к Горькому переводы немцы принимают близко к сердцу, и сейчас группа исследователей занимается собиранием материалов, связанных с пребыванием Горького в Германии, стремясь послужить этой работой делу дружбы немецкого народа с народами Советского Союза.

В связи с новым советским изданием Горького немцы филологов интересуются, имеющие для них не только теоретическое, но и практическое значение: что признается за основной текст при издании сочинений писателя, как относиться к наличию нескольких вариантов одного и того же произведения? Стремится искоренить текстовый произвол, исследователи немецкой литературы внимательно учитывают наш опыт. В Пене с удовольствием вспоминали встречу с К. А. Фединским, который ярко и обстоятельно изложил советскую точку зрения на вопросы текстологии.

В противовес недавнему еще прошлому, когда в университетской науке господствовал мертвый формалистический академизм, немецкие филологи уделяют сейчас

В связи с последними событиями в Иране иностранная печать неоднократно упоминала фамилию американского генерала Шварцкопфа, который недавно нечаянно приехал в Иран и встретился с шахом.

Кто же такой генерал Шварцкопф? «Полицейский специалист» Норман Шварцкопф впервые появился в Иране в октябре 1942 года, будучи еще в чине полковника. Он прибыл по приглашению тогдашнего иранского правительства с тем, чтобы «помочь в реорганизации иранской жандармерии и полиции». Американские справочники дают о Шварцкопфе, как и о всяком, кто связан с разведывательной службой США, весьма скудные сведения. Известно только, что он во время первой мировой войны служил в армии, в 1917 году окончил военную академию. В 1921 году Шварцкопф стал одним из руководителей полицейского управления штата Нью-Джерси. В 1940 году вернулся в армию, а в 1942 году, как мы уже писали, появился в Иране в качестве американского «советника».

Военное министерство США выделило в то время для работы в иранской армии в качестве «советника» генерал-майора Кларенса Ридли. А руководство иранской жандармерии было поручено полковнику Норману Шварцкопфу. Шварцкопф и Ридли прибыли в сопровождении специального штата, состоявшего целиком из офицеров и унтер-офицеров американских вооруженных сил.

Вначале американцы не находились на несправедливой службе у иранского правительства, а числились лишь «советниками». Они быстро установили тесные связи с реакционными кругами Ирана.

Шварцкопф и Ридли были не единственными американскими «специалистами», проникшими в те годы в иранский аппарат государственного управления. Как свидетельствует в своей книге «Американцы в Персии» Артур Мильсон, сам бывший американским советником при правительстве Ирана в период второй мировой войны, правящие круги США уже в те годы проявляли «особую заинтересованность» в этой стране. «Правительство США», — писал автор книги, — поощряло наем иранским правительством большого числа американцев на работу в иранский административный аппарат. С этим связывались весьма далекие научные цели. «Сегодня персидская территория», — подчеркивал тот же Мильсон, — не может больше рассматриваться, как отдаленная от нас и не имеющая отношения к нашим жизненным интересам... Она является критической чертой того нынешнего и будущего мира, за существование которого Соединенные Штаты принимают на себя определенную ответственность».

О том, как понимают определенные круги в США эту прословутую «ответственность», достаточно убедительно говорят как прошлая, так и настоящая подрывная деятельность Шварцкопфа и ему подобных американских агентов в Иране.

Менее чем через два года после своего прибытия в Тегеран Шварцкопф оставил скромную должность «советника», непосредственно вступил на пост начальника иранской жандармерии. Затем, в ноябре 1945 года, в связи с подъемом национально-освободительной борьбы иранского народа, этот импортированный из-за океана жандарм снова несколько отходит в тень, переходя на должность «советника» при главном управлении жандармерии Ирана. Фактически же Шварцкопф сохранял за собой всю полноту контроля над деятельностью иранской жандармерии, которым он обладал, будучи официальным начальником жандармского управления.

Все эти годы Шварцкопф, быстро отыскавший себе союзников и единомышленников среди реакционных кругов Ирана, до

«Вышла в Вашингтоне в 1948 году в издании Бруннингского института. (Ред.)»

бывался осуществлении двух задач, поставленных перед ним его ванитонским начальством. Первое: всеми силами и не стесняясь средствами подавлять национально-освободительную борьбу иранского народа. Второе: всячески укреплять позиции американских монополий в Иране. Деятельность Шварцкопфа не осталась незамеченной — шах наградил его медалью «достоинства» второй степени в ноябре 1945 года и медалью «за отличную службу» в июле 1946 года. Не забыл заслуг полицейского «специалиста» и в Вашингтоне. В июле 1946 года Трумэн, являвшийся тогда президентом США, присвоил Шварцкопфу звание генерал-майора.

Но, несмотря на все усилия заокеанских «специалистов» по удушению свободы и подавлению демократических сил, несмотря на террор и антинародную политику реакционных правительств, все эти годы росла и усиливалась борьба народа Ирана за независимость, за освобождение от кабалы иностранных монополий.

Явно наугадным фактом дальнейшего расширения национально-освободительного движения и роста самосознания широких масс, генерал Шварцкопф в начале февраля 1947 года выступил с заявлением, что имевшихся к тому времени 28 тысяч жандармов недостаточно для «успешного обеспечения безопасности и порядка», и потребовал создать четыре новых полка жандармерии. В мае 1947 года сам же Шварцкопф отправился в США, где вел «переговоры»... закупке нового вооружения для иранской жандармерии на сумму в 25 млн. долларов (предоставленных США, конечно, «в долг» иранскому правительству).

Одновременно Шварцкопф разработал и представил на утверждение иранскому правительству Хакими, как сообщила в то время французская газета «Аксон», специальный план, предусматривавший, в частности, высылку из Ирана всех демократически настроенных элементов.

В мае 1948 года Шварцкопф был переведен в Западный Берлин. Это новое назначение явилось, по мнению, своего рода признанием «достоинства» Шварцкопфа, как матерого жандарма, разведчика и диверсанта. Шварцкопф не отказался от откровенности. Будучи отозван из Ирана и направленный на аналогичную «работу» в берлинской «республике» Аденауэра, он публично признал, что в бытность свою на службе у иранского правительства действовал лишь в соответствии с инструкциями, поступавшими непосредственно из Вашингтона.

Весной 1950 года Шварцкопф уже подвизается в Италии в качестве руководителя военной миссии США. В 1951 году он на некоторое время исчез с «переводных линий» американской политики «холодной войны».

Не случайно иранская печать выражала тревогу по поводу неожиданного приезда в Тегеран американского генерал-разведчика. «Несомненно», — писала 4 августа газета «Бахтар аруз», — что приезд Шварцкопфа в Иран предвещает не без определенного плана и задания: его встречу с шахом нельзя назвать обычной встречей... Если бы не было в этом приезде хитрого плана и не была замешана политика, то никогда Шварцкопф, особенно в настоящее время, не пожелал бы посетить родину Омар Хайяма. Поскольку Шварцкопф прожил несколько лет в Иране и являлся советником иранской жандармерии, поскольку он изучал все детали политического положения страны того времени и знает, чем же были предприняты на территории Ирана и в частности организацией различных встреч, чтобы без определенных политических целей и планов».

Заключая подрывную деятельность генерала Шварцкопфа в Тегеране — еще одно свидетельство грубого вмешательства агрессивных сил во внутренние дела независимых государств.

М. ПАВЛОВ

ВОЗВРАТИТЬСЯ НА РОДИНУ...

Проф. И. АНИСИМОВ

«Литература в Германии»

Директор Института мировой литературы имени А. М. Горького

Проф. И. И. Анисимов, во главе советской делегации побывавший недавно в Германии, рассказывает о состоянии культуры в ФРГ.

Большое впечатление от этой поездки, естественно, приобретают особую остроту после того, как в зловещий «день икс» фашисты нечестно с иностранного союзника сделали разбойничью попытку уничтожить демократические завоевания в Восточной Германии и превратить Германскую Демократическую Республику в восточную милитаристскую.

Все было учтено организаторами берлинской авантюры, вплоть до радиокомандования фашистскими бандами, вторгшимися на демократическую территорию, но об одной «детали» они позабыли — о народе, о массах.

Западногерманские марионетки и те, кто руководит их каждым движением, ошиблись в расчетах. В ГДР демократия пустила глубокие корни в народную душу, и в сознании простых людей произошло очень глубокое изменение. Это — противная, неодолимая демократия, крепнущая с каждым месяцем и годом.

Стремительный политический и культурный рост людей — вот что произвело на нас самое большое впечатление во время недавнего пребывания в ГДР.

Мы присутствовали на IV конгрессе Общества германо-советской дружбы и имели возможность познакомиться, как выступили рабочие-активисты, по-хозяйски относящиеся к делам своей республики, крестьяне из глухих деревень, поднимавшиеся до уровня серьезных государственных деятелей, представители «мелкой и устойчивой молодежи, выросшей за последние годы. Со многими мы познакомились ближе. Все это были люди новой, немину-

емой жизни. Их не так просто запугать и обмануть. Довольно любопытный вопрос был задан одним из самых наглядных и убедительных свидетелей прочности и глубины демократических преобразований в ГДР — является ли происходящее здесь в очень крупных масштабах приобщение широких масс к культуре. Всперные великие богатства национальной культуры становятся народным достоянием. В атмосфере большого духовного подъема прочно демократизируются завоевания демократии, переломные идеи глубоко проникают в сознание масс.

Исключительно велик интерес строителей немецкой демократии к жизни Советского Союза. Трудящиеся ГДР, имеющие широкие возможности получать правдивую и всестороннюю информацию, внимательно изучают исторический опыт нашей страны. Советские издания по самым разнообразным отраслям науки и техники и советская художественная литература широко известны по многочисленным переводам и очень часто в оригинале.

Мне пришлось выступать в университетских аудиториях Лейпцига и Йены, а также на большом собрании интеллигенции в Берлине, и надо сказать, что многие слушатели проявляли не только глубокий интерес, но и всестороннюю осведомленность в вопросах советской культуры.

Сообщение о работе Института мировой литературы имени А. М. Горького было сделано по просьбе немецких друзей, напоминая дружественный отзыв профессоров и студентов немецкой молодежи. Многоценные вопросы, которые были заданы по окончании лекции, свидетельствовали о том, что аудитория очень хорошо знакома с культурной жизнью Советского Союза, с советской литературой и работами советских филологов. Нас спрашивали о перспективах дальнейшего развития взаимного культурного обмена, о выходе той или иной советской книги.

Так, оказалось, например, что немецкие читатели интересуются вторым томом работы С. Макашина о творчестве великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. В Пене и Лейпциге действительно спра-

шивали, когда же выйдет эта книга. Довольно любопытный вопрос был задан относительно Большой Советской Энциклопедии. Это издание пользуется высоким авторитетом среди переводов немецких статей из БСЭ выпускаются отдельные изданиями в немецком переводе. Недавно вышла прекрасная изданная в богатой иллюстрированной книге «Германия», представляющая собой перевод соответствующего раздела из БСЭ. Но именно особое доверие, оказываемое Советской Энциклопедией, вызывает и особую требовательность. Немецкие читатели хотели бы найти в БСЭ точные (с указанием числа и месяца, а не только года) даты рождения и смерти выдающихся писателей, политических деятелей, ученых. Мне был задан вопрос, почему этих дат не приводит Энциклопедия. Не будучи ослепленным, в чем тут дело, я обещаю передать эту претензию по назначению, что и делаю публично, поскольку это интересно и советского читателя.

Исключительный интерес вызывает выходящее в Советском Союзе тридцатитомное собрание сочинений А. М. Горького и предстоящие новые издания немецких классиков. Все относящееся к Горькому переводы немцы принимают близко к сердцу, и сейчас группа исследователей занимается собиранием материалов, связанных с пребыванием Горького в Германии, стремясь послужить этой работой делу дружбы немецкого народа с народами Советского Союза.

В связи с новым советским изданием Горького немцы филологов интересуются, имеющие для них не только теоретическое, но и практическое значение: что признается за основной текст при издании сочинений писателя, как относиться к наличию нескольких вариантов одного и того же произведения? Стремится искоренить текстовый произвол, исследователи немецкой литературы внимательно учитывают наш опыт. В Пене с удовольствием вспоминали встречу с К. А. Фединским, который ярко и обстоятельно изложил советскую точку зрения на вопросы текстологии.

В противовес недавнему еще прошлому, когда в университетской науке господствовал мертвый формалистический академизм, немецкие филологи уделяют сейчас

много внимания теоретическим вопросам. Роль народа в развитии литературы, научная периодизация истории литературы, литература, как надстройка, — таковы, например, темы, по которым просили высказаться в Лейпцигском университете. Стоявший обмен мнениями и в Лейпциге, и в Йене, и в Берлине убедительно свидетельствует о том, что здесь дует свежий, бодрящий ветер, что филологическая наука живет большой жизнью.

Как ни хорошо освоена была аудитория о культурной жизни Советского Союза, все же некоторые недоразумения приходилось разъяснять. Так, в Лейпциге спросили, запрещен ли в СССР Достоевский? Выслушав сообщение о том, что произведения Достоевского у нас не переводятся, что реакционный характер его творчества подлежит разбору и оценке нашей литературной критики, а не является предметом для разбора в административных инстанциях, присутствовавшие остались вполне удовлетворенными, и еще одной американской «уткой» стало меньше.

Большое внимание привлекают к себе советские исследования в области зарубежной литературы. Многие ожидают с нетерпением только что вышедший у нас новый том «Истории английской литературы», издание которой предпринял Институт имени А. М. Горького; спрашивали, нет ли новой советской монографии о Шекспире (книга А. Виноградова «Шекспир и его время» получила широкую известность); интересуются всем, что советские критики пишут о современной литературе.

И естественно, что особенно большой интерес проявляется к тому, как представлена немецкая литература в Советском Союзе. Многократное издание произведений крупнейших современных писателей и поэтов демократической Германии, внимание советского читателя к творчеству Генриха Манна и Томаса Манна, популярность Бернгарда Келлермана, превосходные издания классиков немецкой литературы, выпуск нескольких монографий о Гете — все эти факты достаточно убедительно говорят каждому честному немцу о том, что советские люди с глубочайшим уважением относятся к культуре немецкого народа и пристально ее изучают. Это — яркое доказательство дружбы и взаимопонимания народов.

На страницах наших «толстых» журна-

лов постоянно появляются переводы новых произведений прогрессивной немецкой литературы. Я мог, в качестве примера, сослаться на последние номера. Исполненная благородного гуманистического пафоса повесть Бодо Узе «Мост» запечатана в «Новом мире», разоблачающий американскую реакцию роман Фридриха Вольфа «Детские блюды» — в «Знамени». Оказалось, что это произведение не известно еще многим немецким читателям, впервые узнавшим о нем из моего рассказа. Зато, когда был задан вопрос, знают ли у нас немецкого писателя Эдуарда Клаудигуса, мне пришлось ответить, что книги его почти не издавались, хотя многим являлся этот выдающийся писатель ГДР хорошо известным. Надо думать, советские читатели в скором будущем познакомятся с его произведениями, в частности с романом «Люди на лавей стороне».

Из сообщений печати многим слушателям было известно, что Институт мировой литературы имени А. М. Горького приступил к изданию двухтомной «Истории немецкой литературы». Эта работа вызывает особый интерес, и все хотело бы поскорее видеть ее уже завершённой. Необходимо подчеркнуть, что этот труд потребует еще немало времени и усилий для своего удовлетворительного завершения. Работая над этим изданием, советские ученые осуществляют свой вклад в дело расширения и укрепления братских международных связей между народами.

Поскольку группа немецких филологов, со своей стороны, приступила к составлению «Истории немецкой литературы», то естественно возникли предложения и горячие пожелания установить творческий контакт, обмениваясь соображениями относительно построения всей «Истории» и научного освещения отдельных ее частей. Ясно, что со стороны советских филологов мысль о творческом сотрудничестве с немецкими коллегами может встретить только самое благожелательное отношение.

Вспоминая о встречах с представителями немецкой интеллигенции, все время оказывавшейся перед мной всеохватывающей темой: во множестве частных впечатлений

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.